

Михаиловичу

І. Каневский

Любопытные уголки Кавказа

Друзья.

ЛЮБОПЫТНЫЕ УГОЛКИ КАВКАЗА.

Бордягин.

044 - 34/3/7
21/6B/6

БАТУМСКИЙ ОКРУГЪ.

DK
511
.B36
СВАНЕТИЯ. К2

Очерки жизни и природы.

И. Каневского.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ТИФЛИСЪ.

Типографія Канцелярії Главноначальствующаго Гражданской частію на Кавказѣ.

1886.

5к

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 6 Октября 1885 года.

3- 9- 76

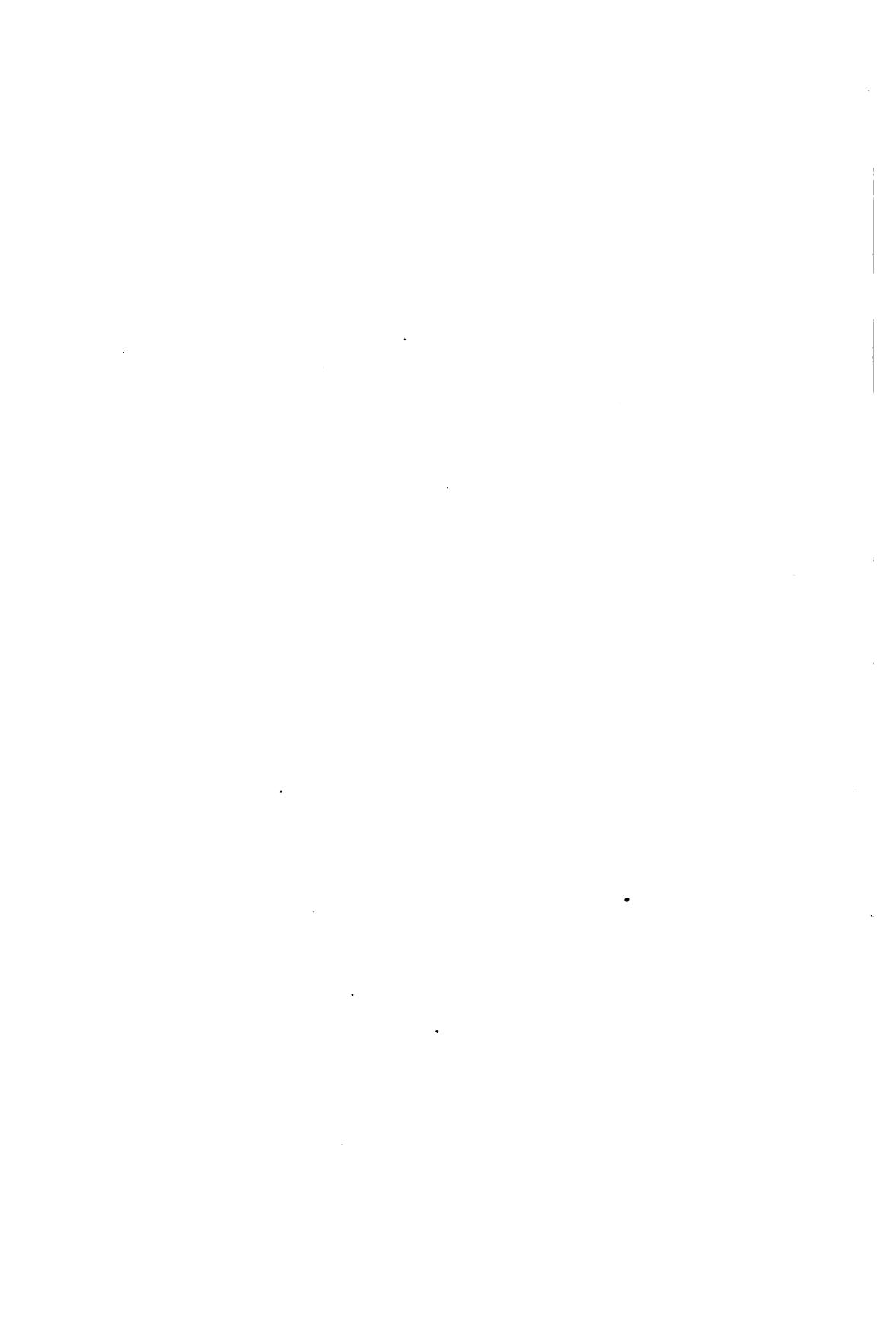
ПОСВЯЩАЮ

МОИМЪ ДОРОГИМЪ

ОТЦЫ

И

МАТЕРИ.

Дорогой читатель, еслибы ты, утомленный борьбою и передрягами жизни, измученный тревожными заботами дня, пожелалъ забыть хотя на время все это, пожелалъ бы отдохнуть отъ бремени, неизбѣжно налагаемаго современною цивилизаціею на рамена твои вмѣстѣ съ предлагаемыми ею благами,— захотѣлъ-бы ободрить и освѣжить свою душу неизвѣданными, новыми впечатлѣніями—прочти эту маленькую книжку, которую я рѣшаюсь предложить тебѣ.

Я не на столько смѣль, чтобы заставить тебя искасть такихъ впечатлѣній именно въ моихъ разсказахъ: они могутъ послужить тебѣ только ключемъ къ двери, за которую лежить если не сказочный міръ, то во всякомъ случаѣ глубоко интересныя, оригинальныя и мало извѣстныя страны не только Россіи, но и образованному Кавказу, хотя онѣ и составляютъ уголки послѣдняго.

Въ русскомъ обществѣ мало развита склонность —не говорю уже страсть—къ путешествіямъ, особенно сопряженнымъ съ извѣстными дорожными трудностями и лишеніями, склонность, такъ распространенная въ западномъ человѣкѣ, котораго поднимаютъ въ путь и двигаютъ если не глубокія цѣли изученія, то хоть жажда новыхъ впечатлѣній, желаніе насладиться невиданными картинами природы, проявленіями ея великихъ творческихъ силъ. Гдѣ лежатъ причины этой неохоты русскихъ людей къ путешествіямъ,—здѣсь доискиваться не мѣсто, но нельзя не за-

мѣтить, что они несомнѣнно приводятъ къ двумъ по-
слѣдствіямъ: во первыхъ, благодаря имъ, мы очень
часто ничего, или почти ничего не знаемъ о нашихъ
окраинахъ, гдѣ десятки лѣтъ утверждена русская
власть, а во вторыхъ, русскій образованный человѣкъ
лишается этимъ незнаніемъ одного изъ самыхъ bla-
готворныхъ и здоровыхъ наслажденій и желая раз-
влечься, тратить избытокъ своихъ средствъ скуч-
нѣйшимъ для себя образомъ, странствуя въ досужее
время по битымъ дорогамъ къ разнымъ минераль-
нымъ водамъ, которые сами по себѣ ему не нужны,
откуда конечно возвращается съ полнымъ разочарова-
ніемъ, вкушивъ тѣхъ же развлеченій, какими могъ
бы пользоваться и въ цивилизованныхъ центрахъ
своей осѣдлости въ гораздо болѣе совершенныхъ и
удобныхъ формахъ.

Мои легкіе очерки не имѣютъ, конечно, ни ма-
лѣйшаго посягательства на строгую научность и глу-
бину изслѣдованія описываемыхъ странъ и дѣтей
этихъ дикихъ, глухихъ, почти первобытныхъ угол-
ковъ. Они написаны только правдиво и искренно и
если предлагаемыя страницы на столько заинтересо-
суютъ читателя, что онъ самъ захочетъ поволновать-
ся извѣданными мною ощущеніями,—поглядѣть и за-
крыть въ своей памяти чудныя картины дикой гор-
ной природы, если мой опытъ послужить ему на
пользу въ этомъ предпріятіи, а изъ подробностей мо-
ихъ разсказовъ онъ извлечетъ для себя въ общихъ
чертахъ маршрутъ для своего путешествія—то цѣль
настоящей книжки будетъ вполнѣ достигнута.

По Батумской области.

Путевые заметки.

I.

Въ прошломъ году мнѣ пришлось около мѣсяца скитаться по одной изъ нашихъ окраинъ, недавно вступившей въ семью русскихъ земель и ога показалась мнѣ такою интересною, своеобразною, полною контрастовъ ея прошедшаго съ настоящимъ, исполненною противоположностей въ ея природѣ и текущей жизни населенія, что я рѣшаюсь познакомить любознательного читателя съ впечатлѣніями, вынесенными мною изъ этой поѣздки.

Еще въ 1879 году я проѣзжалъ верхомъ изъ Ахалциха въ Батумъ, на прямикъ, по горнымъ тропинкамъ; верстахъ въ 30 отъ Ахалциха, на правомъ берегу рѣки Квабліанъ-Чал, на одномъ изъ поворотовъ дикой горной дорожки, внезапно выросъ передъ моими изумленными глазами великолѣпный храмъ изъ тесаннаго камня, съ коническимъ куполомъ, рельефными украшеніями, окруженный развалинами церковныхъ или монастырскихъ пристроекъ и зданій.

И на площади любого большаго города этотъ храмъ быльбы прекраснымъ монументомъ художественного творчества, но какъ онъ былъ хороши среди обступившаго его лѣса, на первомъ планѣ далекой перспективы лѣсистыхъ горъ, однокий, брошенный, подавляющій своимъ величиемъ двѣ-три прижавшіяся къ подножію его турецкія лачуги—это очень трудно рассказать и описать. Я и мои спутники слѣзли съ лошадей и вошли внутрь храма; онъ сохранился очень хорошо, всѣ его

стѣны покрыты фресками святыхъ, краски и даже позолота вѣнцовъ цѣлы—но всѣ изображенія были густо забрызганы растворомъ извести еще во времена Турецкаго владычества въ этой мѣстности, т. е. до войны 1828 года, когда Ахалцихскій пашалыкъ былъ присоединенъ къ Россіи.

Позднѣе я узналъ, что монастырь этотъ называется Зарзма, что такихъ прекрасныхъ памятниковъ христіанства и ихъ развалинъ не мало разбросано по глухимъ трущобамъ Батумской области и Ахалцихскаго уѣзда, пѣкогда составлявшихъ одно политическое и національное цѣлое, что жители Батумской области,—нынѣ переименованной въ Батумскій округъ, кобулетцы, аджаарцы, лазы—такъ отчаянно драшившіе съ нами въ минувшую войну, съ такою фанатическою ненавистью отстаивавшіе передъ нами свои скалистыя гнѣзда, сравнительно недавно были православные христіане; что прошло менѣе четырехъ вѣковъ съ той роковой эпохи, когда волны мусульманскаго потока хлынули на эти страны и смыли, унесли казалось, прочно утвердившіяся здѣсь идеи и духъ христіанскаго міра, отъ которого теперь только и остались запустѣлые или полуразрушенные храмы и монастыри вродѣ описанной Зарзмы, какъ несокрушимая, разрозненная колонада отъ побѣжденного временемъ и стихіями когда то величественнаго цѣлаго зданія; что намеками на прошлую относительную силу этихъ идей служить сохранившіяся до сихъ поръ суевѣрный страхъ жителей къ остаткамъ Христіанскихъ церквей и нѣсколько семействъ и понынѣ, будто бы, исповѣдывающихъ въ своихъ далекихъ недоступныхъ ущельяхъ, въ тайнѣ отъ сосѣдей, имя Христа.

Подъ впечатлѣніемъ прекрасной Зарзмы, я продолжалъ тогда свое путешествіе. Дорожка шла лѣсомъ въ гору, по отрогамъ и отпрыскамъ Арсіанскаго хребта, отдѣляющаго съ востока Ахалцихскій уѣздъ отъ Батумскаго округа. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ суровѣе, диче и глуще было

льсь, все больше напоминая съверную природу; громадные буки и дубы смѣняли ель, сосна, затѣмъ береза и осина съ густыми зарослями смородины и малины. Еще дальше лѣсь мельчалъ, дробился, разсыпался рѣдкимъ кустарникомъ осинника и березника и за нимъ пошли альпійскіе луга съ густой, мелкой травкою, полого тянувшіеся къ вершинѣ перевала, который наши проводники называли большимъ Годерсомъ, а карта Батумскаго округа—Конны.

Мы взобрались на вершину перевала вѣроятно около 5—6000 футовъ, проѣхали немнога по его ровному темени и передъ нами открылась картина верхней Аджаріи, составляющей восточную часть Батумскаго округа.

Пусть читатель великодушно простить мнѣ сравненіе, къ которому я долженъ прибѣгнуть, сравненіе часто повторявшееся и потому надоѣвшее, но мнѣ кажется только оно дасть болѣе ясное понятіе о томъ, что мы увидали съ годерского перевала.

Передъ вами, уходя далеко впередъ, раскинулось разъяренное каменное море. Казалось ураганъ неимовѣрной, невозможной силы прорвался въ бездны океана до самаго дна его, вскинуль въ небесному своду разорванныя и раздробленныя массы его водъ и поднятая имъ гигантскія, грозныя волны, по какому-то волшебному вѣльню мгновенно окаменѣли, застыли, въ моментъ наивысшей своей ярости и силы. Вѣчный снѣгъ, кое-гдѣ лежавшій на каменныхъ вершинахъ, казался ключьями застывшей пѣни, вѣнчающей неподвижныя, мертвыя волны и довершалъ чудесную иллюзію.

Ни правильныхъ связныхъ хребтовъ, которые тянулись бы въ одну какую нибудь сторону, ни долинъ и ущелій съ определеннымъ направлениемъ, мы не могли разобрать въ лежавшемъ передъ нами каменномъ хаосѣ; одни безчисленныя толпы скалистыхъ вершинъ и головъ, выглядывая одна изъ-за другой, тѣсня, давя, наступая другъ на друга, уходили

вдаль, раздѣленныя и разорванныя обрывами, трещинами и стремнинами. Ближайшія скалы, тяжелыя, мрачныя, съ рѣзкими очертаніями, казалось хмурились и негодовали на вѣковые лѣса, всползвшіе по ихъ скатамъ изъ тьмы глубокихъ ущелій; но чѣмъ дальше они уходили отъ насъ впередъ, тѣмъ казались легче, нѣжнѣе, воздушнѣе и послѣднія изъ нихъ, утопая на краю горизонта въ золотистомъ сіяніи догоравшаго дня,—казались изваянными изъ прозрачнаго янтаря, пронизаннаго розовыми лучами заката.

Внимательный взглядъ на превосходную пятиверстную карту Батумскаго округа, изданную Кавказскимъ военно-топографическимъ отдѣломъ, не намного измѣняетъ представление объ орографіи описываемой страны, пріобрѣтаемое путникомъ съ вершины Годерскаго перевала. И на картѣ глазъ наѣкается съ первого же мгновенія, на такой хаосъ горъ, такое отсутствіе какой бы то нибыло системы въ цѣломъ, или правильнѣе, на такое множество отдѣльныхъ горныхъ системъ, перепутывающихся одна съ другою,—что долго потомъ блуждаетъ по картѣ, отыскивая себѣ опорныя точки, которыя дали бы возможность ориентироваться и составить цѣльное представление о странѣ. Мало по малу такое представление складывается и можетъ быть выражено въ слѣдующихъ выводахъ: въ странѣ, занимающей почти весь 41° с. широты, 59° и часть 60° восточной долготы, поднимается нѣсколько горныхъ узловъ, изъ которыхъ самый замѣтный находится почти въ срединѣ съ центральною вершиною въ 11,200 ф., называемою Карчхаль. Эти узлы пускаютъ отъ себя по всѣмъ направлѣніямъ множество хребтовъ, извивающихся, идущихъ другъ другу на встрѣчу, перепутывающихся между собою и въ свою очередь пускающихъ во всѣ стороны безконечное множество второстепенныхъ отроговъ: точно нѣсколько исполинскихъ пауковъ лежитъ въ кучкѣ, перепутавшись своими растопыренными лапами. Между хребтами и отрогами залегаютъ ущелья,

то съ страшно крутыми стремнинными боками, поросшими лѣсомъ, то ограниченныи и вовсе отвѣсными голыми скалистыми стѣнами, похожія болѣе на щели и трещины; если ущелье длинно,—то оно чрезвычайно извилисто и въ него съ обѣихъ сторонъ, разрывая отроги горъ, спускается множество боковыхъ, короткихъ ущелій.

Безчисленное число ручьевъ, рѣчекъ и рѣкъ сбѣгаютъ буквально по всѣмъ направленіямъ съ центральныхъ узловъ и отброшенныхъ послѣдними хребтовъ и дѣлая безконечные обходы, огибая на пути своеи иногда чуть не полный кругъ—сливаются въ главную водную артерію края, большую рѣку Чорохъ, бѣгуцій съ нѣкоторыми уклонами съ юга на сѣверъ, къ морю и раздѣляющій округъ на двѣ неровныя части—восточную и западную.

Открытыхъ долинъ, горныхъ плато—нѣть въ этой горной странѣ,—есть одни и только одни спутанные, разорванные хребты, скалистыя вершины и узкія душныя ущелья, на глубокомъ днѣ которыхъ заботливо поливаются оливковыя деревья, подвязываются и окапываются великолѣпный виноградъ, выхаживаются самые нѣжныя персики, черешни и груши, а на полуотвѣсныхъ склонахъ, въ какихъ нибудь 6—7 верстахъ отъ оливковыхъ рощь—на микроскопическихъ пашняхъ едва дозрѣваетъ плохой ячмень.

Въ набросанной нами сейчасъ туманной панорамѣ страны, о которой мы собираемся говорить, мы умышленно освѣтили два выдающіеся пункта, составляющіе въ нашихъ глазахъ преобладающій интересъ: это сравнительно недавнее христианское пропилое населенія, такъ полно и всецѣло отступившее передъ суровымъ учениемъ корана, и крайне своеобразная природа края, по вѣнчности дикая, суровая и мрачная, а по даваемымъ ею средствамъ—въ общемъ итогѣ несомнѣнно бѣдная, не смотря на оливковыя рощи и виноградники, не смотря на свою, мѣстами, полутропическую растительность—не

дающая простора ни скотоводству, ни хлѣбопашеству; природа рѣзко ограничивающая своею скучностью всѣ стремленія человѣка къ материальными наслажденіямъ жизнью и требующая отъ него такой же напряженной и тяжелой борьбы на невѣроятно изорванной и пересѣченной мѣстности съ неприступною землею, то затоптанной исполинскими лѣсами, то задавленной каменями,—какой Магометъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей со всѣмъ немусульманскимъ міромъ.

Во все время нашей поѣздки наши личные впечатлѣнія невольно нанизывали звено за звеномъ для связи между этими двумя фактами и мы приглашаемъ самаго читателя пролѣтѣть, можно ли найти въ сообщаемыхъ нами свѣдѣніяхъ и описаніяхъ основанія для намѣченного нами вывода. Во всякомъ случаѣ, надѣемся, что набросанныя нами картины пройденной страны, въ которыхъ мы будемъ правдивы на сколько отъ насы зависить, остановятъ на себѣ хотя до нѣкоторой степени любознательное вниманіе.

II.

16-го Іюня, подъ проливнымъ, истинно тропическимъ дождемъ, закутавшись въ башлыки и бурки, выѣхали мы верхомъ на казачьихъ лошадяхъ изъ города Поти и направились къ морскому берегу.

Поти, знаменитый своими лягушками и безконечно строящимся моломъ, тонулъ и захлебывался въ ручьяхъ воды, лившихся на него съ неба. Миновавъ улицы, обратившіяся въ каналы и обставленные полуусгнившими деревянными домиками, мы выбралисъ за городъ и направились по линіи казачьихъ постовъ, расположенныхъ въ 5—6 верстахъ одинъ отъ другого по морскому берегу, отъ Поти до поста св. Николая, лежащаго на бывшей до послѣдней войны нашей границѣ.

Посты состоятъ изъ 10—12 человѣкъ казаковъ, помѣ-

щаются они въ нарочно устроенныхъ для нихъ домахъ, или въ плетеныхъ балаганахъ, на самомъ берегу; главное назначение казаковъ на постахъ—выполнять роль пограничной стражи и воевать съ контрабандистами, затѣмъ имъ вмѣняется въ обязанность подавать помошь при кораблекрушеніяхъ, такъ какъ на этотъ берегъ часто выбрасываются бурями различные суда.

Путь напѣ вель плоскимъ ровнымъ берегомъ, состоявшимъ изъ черновато-сѣраго песку или крупнаго гравія; горы здѣсь отступаютъ далеко нальво отъ моря и отдѣляются отъ него громадными лѣсами, которые то надвигаются почти къ самыемъ волнамъ, то разсыпаются у моря огромными, не проницаемыми зарослями кустарника.

Черезъ часъ послѣ выѣзда изъ Поти дождь пересталъ и далъ возможность присмотрѣться къ тѣснившей насъ со всѣхъ сторонъ могучей растительной силѣ. Дорожка изрытая, исковерканная пнями, корнями, заваленная вѣтками, виласъ подъ высокими зелеными сводами вѣковыхъ дубовъ, буковъ и ясеней. Точно безчисленныя снасти корабля танулись съ земли до самыхъ вершинъ исполинскихъ деревьевъ ползучія и вьющіяся растенія; между ними преобладалъ одинъ изъ видовъ сассапарели, называемый у туземцевъ икала; его молодые побѣги, отваренные въ соленой водѣ—могутъ служить отличнымъ салатомъ. Эта икала, кажется, самый неумолимый врагъ здѣшнихъ лѣсовъ; тысячи тысячъ ея шнурковъ и нитей ползутъ къ верху, ложатся тяжелой перепутанной зеленою массой на головы лѣсныхъ великановъ, скрываютъ отъ нихъ свѣтъ и солнце, душатъ, изводятъ ихъ медленной смертью и затѣмъ сами умираютъ; и стоитъ та旎 изсохшій мертвецъ съ обвалившимися сучьями и вѣтвями, съ осипавшемся корой, а съ головы его спускаются и колышатся вѣтромъ сухія, сѣрыя нити икалы, точно густыя пряди сѣдыхъ волосъ.

А вотъ изъ густаго папоротника, скрывающаго подножіе

старого дуба, ползеть по стволу толстый чудовищный удавъ; отвратительными сѣрыми извивами скользить онъ по дереву, обвиваетъ его разъ, другой спиралью и скрывается подъ корою мелкихъ треугольныхъ, изумрудно-зеленыхъ листочековъ, вовсе непохожихъ на дубовые, но тѣсной семьей сидящихъ на корѣ верхней части ствола. Это гигантскій кавказскій плющъ, (*Hedera*), достигающій громадныхъ размѣровъ; передъ нами въ настоящую минуту лежитъ отрѣзокъ его ствола, имѣющій одинадцать дюймовъ въ окружности, но онъ не самый толстый изъ видѣнныхъ нами, у одного мы измѣрили охватъ въ полъ-аршина и на рѣдкихъ изъ провожавшихъ насъ старыхъ дубовъ не покоился такой сѣрий змѣй.

Гдѣ лѣсь не рѣшался приблизиться къ берегу, тамъ зеленый сводъ разступался надъ нашими головами и мы ѿхали между двухъ высокихъ стѣнь страшно густаго кустарника, точно по тропинкѣ, протоптанной слонами и буйволами среди индійскихъ джунглей. Чаща барбариса, терновника, облѣпиши (*Nippophoë rhamnoides*) прорѣзывалась красивыми деревьями негноя и сплошными зарослями вѣчно зеленої Кавказской пальмы (*Buxus*) довольно почтенныхъ размѣровъ; за колючія вѣтви кустарника по его окраинамъ цѣплялся во множествѣ кирказонъ (*Aristolochia clematitis*) съ своими крайне оригинальными цвѣточками-башмачками и розовыя головки мышиныхъ стручьевъ (*Coronilla varia*).

Въ попадавшихся иногда по сторонамъ дорожки небольшихъ болотахъ и рвахъ, наполненныхъ водою, плавали бѣлые кувшинки или купавки, изъ осоки выглядывали крупныя кирпично-красныя лиліи, часто разводимыя въ садахъ, а за одной канавкой, па маленькой зеленої лужайкѣ, наше внимание остановили какіе то огромные желтые цвѣты. Мы перебрались за канавку и съ недоумѣніемъ смотрѣли на эти цвѣты: сомнѣнія не было, это знакомый перелетъ, *Oenothera biennis*, американскій выходецъ, успѣшио размножившійся на

чужбинѣ; но до сихъ порь, встрѣчалась почти повсемѣстно на Кавказѣ и за Кавказомъ, онъ не производилъ особенного впечатлѣнія своими желтыми цвѣтами въ одинъ, полтора дюйма; теперь же передъ нами, на двухъ аршинныхъ стебляхъ качались великолѣпные лимонно-желтые цвѣты съ вѣнчиками въ четыре дюйма діаметромъ.

Такова производительная сила этого плоскаго берега, съ своею почвой, вѣчно напоенной водою, съ душнымъ воздухомъ, насыщеннымъ парами, съ частыми теплыми дождями и горячимъ южнымъ солнцемъ. Пусть хмѣль, плющъ и икала въ несмѣтныхъ силахъ осаждаютъ лѣсныхъ гигантовъ, ползутъ на нихъ, глушатъ, давятъ и валятъ ихъ, пусть ураганы и бури, ударяя съ моря на ихъ зеленый строй, толпами кладутъ ихъ на землю,—быстро гнѣютъ въ душномъ влажномъ воздухѣ ихъ трупы и еще быстрѣе на смѣну имъ выростаютъ другія, полныя силы и соковъ деревья.

А слѣды жестокихъ и упорныхъ битвъ вѣтра и лѣса видны на каждомъ шагу; мы не говоримъ уже о вывороченныхъ съ корнями или переломанныхъ на двое громадныхъ деревьяхъ съ двухъ-аршиннымъ отрубомъ; гораздо нагляднѣе такие слѣды видны на заросляхъ кустарника или молодаго лѣса, непроницаемой чащею выдвинувшихся на самый край берега; мчащіеся съ запада штормы и ураганы, проносясь свободно вдоль всего Чернаго моря, съ неимовѣрной силой ударяютъ въ восточный берегъ и встрѣчая зеленыя стѣны кустарника, точно слизываютъ съ вершинъ его всѣ листья и мелкія вѣтки. Точно счесанныя сверху въ одну сторону огромнымъ гребнемъ стоять эти густые кусты и деревья, откинувшись отъ моря и представляютъ своими вершинами сплошную щетину сухаго хвороста; даже кора съ верхнихъ вѣтокъ и прутьевъ сорвана и унесена вмѣстѣ съ листьями.

Двухъ-этажныя зданія постовъ подперты съ подвѣтренной стороны громадными бревнами, безъ чего они были бы